

485
КАТАЛОГ

894
C 60
891
894
C-60

Издание Скоропечатни „Надежда“.

891
643
891
643
891
C 60

В. Г. БѢЛИНСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ И СОЧИНЕНІЯХЪ.

(1810—1848).

СОСТАВИЛЪ

Евг. Соловьевъ (Скриба).

ЕВРОПЕЙСКА
О-ва БУКЪВЕНЪ И СЧИТАНИКОВЪ
МОСКОВСК. ПРАВИЛ. АКАДЕМ. КОМЕРЧ. УЧЕБ.

19139
3798

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Скоропечатня „Надежда“, Фонтанка, 63.
1898.

проб. 36.

Проверено 1940 г.

Пр. 1959

Проверено 1945 г.

М 525

Slav 4336.2.1115

✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1898 г.

Weller

Вмѣсто предисловія.

Если бы я вѣрилъ въ „предчувствія, примѣты“, то, видя, съ какой настойчивостью начинаетъ повторяться на страницахъ нашихъ журналовъ имя Бѣлинскаго, сказалъ-бы: „это хорошій знакъ“. Нѣкоторое—быть можетъ, совершенно несправедливое—недовѣріе ко всероссійскому прогрессу въ частности и къ всероссійскому климату *),—набрасываетъ тѣнь на мои радужныя надежды. А какъ, въ сущности, пріятно предаваться имъ, какъ пріятно дѣлать историческія сопоставленія и говорить о нихъ хотя-бы самому себѣ! „Сорокъ лѣтъ тому назадъ авторъ „Очерковъ гоголевскаго періода“ извлекъ мысли Бѣлинскаго изъ-подъ спуда, не смѣя назвать его, однако, по имени и тѣ вѣчно юныя, свѣжія, высказанныя съ такимъ задоромъ и убѣдительностью мысли, вновь появившись на свѣтъ Божій, сыграли роль голубя, котораго праотецъ Ной привѣтствовалъ изъ своего скучнаго и тѣснаго ковчега послѣ долговременнаго странствованія по волнамъ морскимъ. Цѣлое поколѣніе за этимъ увидѣло, или, лучше сказать, подумало, что видитъ обѣтованную землю. Не предвѣщаетъ ли того же самаго и вторичное извлеченіе Бѣлинскаго изъ-подъ спуда дѣсятилѣтій.

„Не очень, не очень“—шепчетъ мнѣ недовѣрчивая тѣнь. Что собственно случилось? До пятидесятилѣтія „со дня смерти“ осталось очень немного. Русь проведетъ этотъ день, какъ всегда, въ своихъ мелкихъ, обыденныхъ заботахъ: вѣдь „почтила“ же она такъ годовщину смерти Лермонтова. Появятся нѣсколько новыхъ изданій „Полнаго собранія сочиненій В.

*) „Вѣст. Евр.“ № 4-й 1896, стр. 680.

Бѣлинскаго“ на сквернѣйшей бумагѣ, съ грубѣйшими опечатками; ихъ раскупаютъ и поставятъ на полку, какъ раскупили и поставили на полку сочиненія Писарева. А затѣмъ?... затѣмъ?... франко-русскія симпатіи, русско-германскіе договоры, новая надоедливая повѣсть какой-нибудь г-жи, новый разсказъ съ тѣми же претензіями, тѣмъ же безсиліемъ творчества! Старыя пѣсни!... Что на самомъ дѣлѣ случилось пока?

Я знаю, что Бѣлинскій былъ честнымъ, искреннимъ литературнымъ дѣятелемъ и я не только уважаю, но даже люблю его, но все же я знаю не одного, а двухъ Бѣлинскихъ. Одного—по его письмамъ, другого по его сочиненіямъ. И если бы меня спросили, кому я отдаю предпочтеніе, я сказалъ бы, не задумываясь: первому,—т. е. тому, съ кѣмъ познакомилъ г. Пыпинъ въ своей книгѣ „Бѣлинскій и его переписка“, съ кѣмъ продолжаютъ насъ знакомить любители-библіографы. Быть можетъ, такое мнѣніе—ересь, не знаю, но говорю то, что думаю. За связку писемъ Бѣлинскаго къ Боткину я-бы не взялъ половины напечатаннаго нашимъ критикомъ въ „Отеч. Зап.“ и „Современникѣ“ и не взялъ бы потому, что даже въ литературномъ отношеніи „Письма Бѣлинскаго“ безусловно выше его сочиненій. Когда онъ писалъ для журнала, онъ часто исполнялъ обязанность, которая тяготила его самого, и при этомъ постоянно оглядывался на прихожую, не стоитъ ли тамъ какой-нибудь „Эпифанъ Антіохійскій“. Когда онъ писалъ для себя—онъ говорилъ какъ свободный человѣкъ, у котораго что на умѣ, то и на языкѣ. Лучшаго по искренности и краснорѣчію, чѣмъ знаменитое его письмо къ Гоголю *), я и не знаю ничего во всей русской литературѣ, а лучше статей Бѣлинскаго изъ „От. Зап.“ и „Совр.“ я знаю очень многое. Читая сочиненія Бѣлинскаго, я рѣшительно недоумѣваю, почему отъ Шеллинга онъ перешелъ къ Гегелю, отъ Гегеля къ полному индивидуализму, отъ полного индивидуализма къ социализму и т. д. Перевернувъ послѣднюю страницу XII-го тома, я остаюсь при самомъ печальномъ интересѣ: человѣкъ не только переходилъ, а перескакивалъ отъ одного міросозерцанія къ другому: то ненавидѣлъ французовъ и восхвалялъ Шиллера, то ненавидѣлъ Шиллера и восторгался французами, то искалъ успокоенія въ мысли, что я „ничто“, то требовалъ для

*) Отрывки напечатаны въ соч. Пыпина „Бѣлинскій и его переписка“, почти полностью въ трудѣ г. Барсукова „Жизнь и труды М. Погодина“ т. IX-й.

этого „ничто“ чуть-ли не всего міра и всей полноты жизни и счастья и т. д. Только письма и даютъ ключъ къ пониманію всего этого, потому что въ нихъ-то нашъ критикъ и раскрывалъ свою душу, пребывавшую въ вѣчномъ томленіи, въ вѣчномъ исканіи недававшейся истины и пока недоступной человѣческому разуму.

Что собственно интересовало Бѣлинскаго? По моему мнѣнію, только одинъ и только единственный вопросъ: „на что же, наконецъ, я имѣю право“? Въ отвѣтахъ на него, въ зависимости отъ обстоятельствъ жизни, постоянно получались самые разнообразные отвѣты. Припомнимъ, что Бѣлинскій былъ пролетаріемъ, *слѣдовательно*, онъ не имѣлъ права ни на что; далѣе, онъ былъ недоучившимся студентомъ, за что, кстати сказать, его хотѣлъ осмѣять даже великій Гоголь, но, къ счастью, устыдился, — *слѣдовательно* — ни на что; наконецъ, онъ былъ литераторомъ, а не „служивымъ“, *слѣдовательно* — ни на что. Словомъ — куда ни кинь — все клинь. *Извнѣ* шли впечатлѣнія самыя неблагопріятныя. Жизнь ежеминутно твердила человѣку, что ты — нуль и какъ таковой можешь пропасть, не требуя даже, чтобы при этомъ, для тебя „такъ сказать“, трагическомъ обстоятельствѣ, закаркала первая пролетающая мимо ворона. Бѣлинскій, далѣе, сошелся съ кружкомъ интеллигентныхъ баричей Станкевичей и à la Станкевичъ. Что грѣхъ таить — къ нему тамъ относились покровительственно. Необразованный, дикій, хотя и гениальный, жадно искавшій истины и готовый признать за истину всякое самоувѣренно высказанное слово — онъ игралъ самую жалкую роль и не могъ ничего возразить, когда „друзья“, на одномъ изъ своихъ совѣщаній съ шампанскимъ и рейнвейномъ, постановили потребовать, чтобы Бѣлинскій больше ничего не писалъ, такъ какъ у него нѣтъ „эстетическаго вкуса“! Дѣло въ томъ, что „друзья“, обезпеченные наслѣдственнымъ, не понимали, какъ это возможно пускать въ толпу высокія мысли и получать за это гривенники. А Бѣлинскій, которому ѣсть было нечего и который самъ былъ сыномъ этой толпы — все это великолѣпно понималъ, только не могъ по робости ничего возразить противъ дикихъ репликъ гг. столбовыхъ и потомственныхъ. Да и гдѣ ему было, несчастному, отовсюду прогнанному человѣку возражать, когда онъ чувствовалъ себя ежеминутно идущимъ мимо пропасти. Онъ молчалъ или кланялся изъ уваженія къ той высокой премудрости, которая яко-бы таилась въ прочтенныхъ его пріятелями брошюркахъ о Шеллингѣ и Гегелѣ. Наконецъ-то, онъ взялся за умъ и, наконецъ-то прозрѣлъ, что

нечего было кланяться, нечего было хлопотать передъ радикалами, жившими на счетъ крѣпостного права. „Глупо и пошло—повторять цѣлую жизнь: я неучъ, я дуракъ, я жалокъ и смѣшонъ“,—замѣтилъ самъ Бѣлинскій.

Первыя впечатлѣнія жизни внушили ему, что рѣшительно никакого права на жизнь онъ не имѣетъ. Онъ можетъ только слушать и слушаться. Онъ можетъ увлекаться философией Гегеля и восторгаться тѣмъ, что человѣческое „я“ — ничто, а вся суть въ „развитіи всемірнаго духа, который каждымъ изъ насъ живущихъ пользуется какъ средствомъ въ цѣляхъ самопознанія“.

„Но, вѣдь, я—человѣкъ“ и этотъ титулъ принадлежитъ мнѣ наравнѣ съ титулами „недоучившагося студента“, „пролетарія“, „литератора“ и проч. Быть человѣкомъ, что же это значитъ, какія права это званіе обуславливаетъ? Бѣлинскій—правильно или неправильно—пришелъ къ тому выводу, что это опошленное званіе обезпечиваетъ за нимъ громаднѣйшія права. Онъ началъ съ вопроса—„Что мнѣ въ томъ,—говорить онъ,—что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Что мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно,—и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно?“ Ему и раньше было скверно, но не доставало смѣлости духа, чтобы сознаться въ этомъ. Онъ искалъ успокоенія то въ философіи Гегеля, то въ своей первой полумистической любви къ какой-то аристократической барышнѣ, ничего отъ этой любви не ожидая и не смѣя ожидать. Онъ просто утѣшался тѣмъ, что приносить себя въ жертву, что разъ онъ—жертва—идеи или чувства—все равно, не на что, слѣдовательно, и рассчитывать. Но стоило, повторяю, признать себя человѣкомъ, личностью, какъ всѣ эти хитросплетенія обиженнаго и подавленнаго чувства разлетѣлись на тысячу осколковъ. Онъ сталъ требовать и себѣ мѣста на жизненномъ пиру, сталъ ненавидѣть все то, что лишаетъ его этого мѣста. Никогда не умѣя останавливаться на полѣ дорогѣ, онъ и это свое настроеніе доводилъ до крайнихъ его предѣловъ. Если раньше онъ мечталъ только о томъ, какъ-бы слиться съ „жизнью всемірнаго духа“ и забыть себя, то теперь это сліянiе представляется ему совершенно безсмысленнымъ. Человѣку нужно другое: „Что до личнаго безсмертія—пишетъ онъ Боткину—какія-бы ни были причины, удаляющія тебя отъ этого вопроса и дѣлающія тебя равнодушнымъ къ нему,—погоди, придетъ

время не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины и что въ его рѣшеніи наше искупленіе. Я плюю на философію, которая потому только прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его“. Потребовать личнаго безсмертія, заинтересоваться этимъ вопросомъ, поставить его во главѣ всѣхъ остальныхъ—значило дѣйствительно проникнуться великимъ значеніемъ слова „я человекъ“. „Для меня—продолжаетъ Бѣлинскій,—теперь *человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества*“... Онъ, разумѣется, разошелся съ Гегелемъ и поклонился его „философскому колпаку“. Ему захотѣлось свободы, самостоятельности, счастья.

Мы знаемъ, чѣмъ кончилъ Бѣлинскій. Въ послѣднихъ своихъ статьяхъ онъ отдаетъ себя въ жертву обществу и въ служеніи этому обществу видитъ единственное назначеніе человека. Его безконечно тяготитъ мысль, что такъ много голода и холода на землѣ, и онъ готовъ отказаться отъ самого себя, отдать послѣднюю рубашку, чтобы исправить жизнь и сдѣлать ее болѣе соотвѣтствующей достоинству человека. Его оскорбляютъ чужія страданія, ему не даютъ покоя чужія слезы, онъ думаетъ, что человекъ имѣетъ полное право на счастье здѣсь на землѣ и что если этого счастья нѣтъ, то виноваты въ этомъ совершенно постороннія обстоятельства, которыя можно и должно устранить. Наивный и страстный, не разъ вздыхаетъ онъ о томъ, что у него нѣтъ *какой-нибудь* сотни милліоновъ, которая дала-бы ему возможность гдѣ-нибудь въ Южной Америкѣ или Австраліи основать колонію и показать людямъ, какъ они могутъ жить почеловѣчески и какъ безмѣрно могутъ быть они счастливы здѣсь на землѣ. Здоровый, свѣжій воздухъ, работа сообразно съ призваніемъ и назначеніемъ, свободная обязательность, любовь безъ страха и опасенія, жизнь полная труда, но не заботъ, не страха передъ завтрашнимъ днемъ—все это мерещилось Бѣлинскому, все это вдохновляло его. Въ этомъ своемъ настроеніи онъ твердо вѣрилъ, что все зло жизни—ничто иное, какъ результатъ нечестивости и глупости, онъ отрицаетъ какіе-бы то ни было законы исторіи, которые будто-бы предопредѣлили страданія человека. Онъ ненавидитъ эти страданія, онъ думаетъ, что они не нужны, онъ готовъ схватиться съ самою судьбой во имя правъ человека, во имя достоинства личности и гордо, стоя одной ногой въ могилѣ, говоритъ, что человекъ имѣетъ право на все, даже на безсмертіе: счастье на землѣ—его назначеніе...

Но, чтобы нищій, выгнанный студентъ Бѣлинскій дошелъ до такой точки зрѣнія, нужны были обстоятельства. Онъ началъ съ того, что отрекся отъ себя; онъ—по логическому закону отрицанія—пришелъ къ тому, что призналъ себя *всѣмъ* и потребовалъ для себя *всего*; онъ временно увлекся крайностями эгоизма, когда человѣку дѣйствительно море по колѣно и все въ жизни представляется ему какъ-бы подвластнымъ. Это была само-защита, желаніе сказать, что, вѣдь и „я тоже человѣкъ“, который можетъ *все* хотѣть и все имѣть. Это было поворотнымъ пунктомъ міросозерпанія Бѣлинскаго, но, вы ошибетесь, если захотите узнать это по „сочиненіямъ“. Только въ письмахъ вы найдете ясныя подробности этой страшной человѣческой драмы, когда человѣкъ отъ сознанія, что онъ „нуль“, переходитъ, наконецъ, къ сознанію того, что онъ безконечность, т. е. единственное, чѣмъ стоитъ интересоваться въ жизни, о чемъ стоитъ думать, что стоитъ выставять на видъ.

Какъ все это случилось? Въ недавно вышедшемъ „Сборникѣ общ. любителей россійской словесности за 1896-ый годъ“ мы находимъ любопытныя письма Бѣлинскаго къ его невѣстѣ, и въ этихъ письмахъ мы видимъ изложеніе того душевнаго состоянія, которое довело нашего критика до сознанія, что онъ какъ человѣкъ—*все* и что окружающее, какое-бы оно ни было, должно склониться передъ нимъ и признать его своимъ господиномъ. Пусть тутъ будутъ ошибки, пусть тутъ будутъ преувеличенія, но вотъ вамъ примѣръ, какъ бѣдная, измученная душа, охваченная страстью, поднимается на высоту своего самосознанія и требуетъ, чтобы природа и люди подчинялись ей велѣніямъ.

Эти письма Бѣлинскаго, какъ и всѣ, вообще, его письма—настоящее литературное произведеніе, лучшее, чѣмъ все, что было намъ извѣстно хотя-бы по 12-ти томамъ полного собранія. Въ нихъ передъ нами свободный человѣкъ, а не тотъ, который отъ первой до послѣдней печатной строчки долженъ былъ говорить „эзоповскимъ языкомъ“ въ надеждѣ, что цензура его не пойметъ, а читатель... быть можетъ, и пойметъ. Въ этихъ письмахъ цѣлая философія личности, несмотря ни на что рвущейся къ счастью и жаждущей этого счастья, чего-бы оно ни стоило, чего-бы оно ни обѣщало въ будущемъ*).

*) Подробнѣе объ этомъ см. гл. VIII.

Обстоятельства дѣла слѣдующія. Еще живя въ Москвѣ, Бѣлинскій влюбился въ дѣвушку, очень простую, очень скромную—М. В. Орлову, служившую классной дамой въ одномъ изъ безчисленныхъ французскихъ пансіоновъ того времени. Сначала мысль о женитьбѣ и не приходила ему въ голову: на это не хватало смѣлости. Жениться, „обзавестись своимъ домомъ“, устроить свой собственный уголокъ—все это казалось чуть-ли не преступленіемъ человѣку, который выросъ въ мысли, что онъ „обреченный“ и можетъ исполнить свое назначеніе, лишь отдавши себя въ жертву какому-нибудь высшему началу. Женитьба съ одной стороны представлялась чѣмъ-то пошлымъ, съ другой слишкомъ себялюбивымъ дѣломъ, а права на нее Бѣлинскій не находилъ въ собственной душѣ. Вѣдь онъ былъ безконечно совѣстливымъ человѣкомъ, который всего стыдился и всего стѣснялся.

Въ „Воспоминаніяхъ“ Головачевой есть трогательный рассказъ о томъ, какъ онъ однажды купилъ себѣ фіалокъ и потомъ извинялся передъ своими знакомыми, не сознавая въ себѣ права даже на такой ничтожный расходъ. Ему все мерещилось, какъ-бы не упрекнули его въ „роскоши“, ему самому было тяжело, такъ какъ онъ считалъ себя живущимъ по чьему-то позволенію и не смѣлъ даже думать о личномъ своемъ счастьѣ.

Жизнь въ Петербургѣ, близкія отношенія къ Герцену отрезвили его. Тонъ его статей мѣняется страшно и рѣзко. Вмѣсто того, что-бы говорить о высшихъ началахъ, которымъ всякій будто-бы обязанъ приносить себя въ жертву, онъ начинаетъ разсуждать съ точки зрѣнія личности, судить обстоятельства и людей по тому, насколько они удовлетворяютъ требованіямъ человѣческаго счастья. Гордо и смѣло заговорило въ немъ свое собственное „я“, до той поры пришибленное, забитое. Потребность любви проснулась и безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что это была *страстная* потребность.

„Бѣлинскій,—говоритъ П. Милюковъ,—не признавалъ въ себѣ самъ способности останавливаться на срединѣ; не мудрено, что, какъ всегда, онъ и на этотъ разъ оказался „въ экстремѣ“. То, съ чѣмъ онъ съ гордостью носился нѣсколько лѣтъ, какъ съ „терновымъ вѣнкомъ страданія“,—его нераздѣленная любовь,—теперь уже представлялось ему „просто шутовскимъ колпакомъ съ бубенчиками“, добровольно на себя надѣтымъ. Свою „абсолютность“ онъ готовъ былъ, „еще съ придачею послѣдняго скюртука“, отдать „за ту полноту, съ какой иной офицеръ спѣшитъ на балъ, гдѣ много барышень и скачетъ

штандартъ! Шиллеръ сдѣлался „лютымъ врагомъ“ Бѣлинскаго, и онъ мстилъ ему „за все то, отъ чего страдалъ во имя его“ прежде. Идеальныхъ женщинъ Шиллера, помимо которыхъ для него прежде „не было женщины“, онъ изъявилъ теперь готовность промѣнять на слесаршу Пошлепкину. „Что такое женщина“, онъ узналъ теперь изъ „Ромео и Юліи“; легкомысленныя лирики Гете и Гейне приводили его въ восторгъ.

„Напрасно влачишь ты въ печали томящей
Часы драгоценныя жизни летящей
Затѣмъ, что своею ты милой забыть.
О, пусть возвратится пора золотая!
Такъ нѣжно, такъ сладко цѣлуетъ вторая,—
О первой не будешь ты долго грустить!“

Въ Москвѣ онъ проповѣдовалъ, что надо относиться къ жизни просто, не заноситься, брать что подъ руками, и за неимѣніемъ лучшаго пировать, чѣмъ Богъ послалъ. Въ Петербургѣ онъ шелъ дальше и находилъ, что жизнь надо презирать, чтобы умѣть пользоваться ея благами. Все въ жизни относительно; страданія и наслажденія одинаково ступеньки ваются передъ великимъ таинствомъ уничтоженія и смерти. Жизнь—ловушка, а мы мыши: инымъ удастся сорвать приманку и выйти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку развѣ понюхаетъ. Нынѣшній день нашъ... будемъ же пить и веселиться если можемъ“...

Конечно, Бѣлинскій не могъ „пить и веселиться“ послѣ такихъ разсужденій. На днѣ души его копился горькій осадокъ, и сердце шемило глухое ощущеніе внутренней пустоты. „Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и пр. и пр.“.

„Вѣра въ жизнь, въ духъ, въ дѣйствительность—отложена на неопредѣленный срокъ—до лучшаго времени, а пока въ ней безвѣріе и отчаяніе“. „Душа совсѣмъ расклеилась и похожа на разбитую скрипку—однѣ щепки“. „Собери и склей—скрипка опять заиграетъ, и, можетъ быть, еще лучше,—но пока однѣ щепки“. „Плохо, братъ, такъ плохо, что незачѣмъ и жить. Въ душѣ—холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая... И не люблю, и не страдаю... Надежды на счастье нѣтъ... не для меня счастье. Отъ него отказалась ужъ и услужливая моя фантазія“. Эти и подобныя признанія постоянно вырываются у Бѣлинскаго въ письмахъ къ Боткину 1839—40 годовъ.

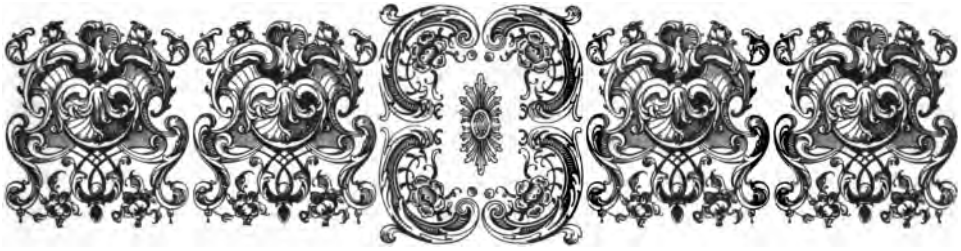
Но отрицаніе личности, самого себя, должно было чѣмъ-нибудь окончиться. Надо было признать себя, заявить соб-

ственные права на жизнь. Бѣлинскій полюбилъ, Бѣлинскій женился. Онъ самъ смотрѣлъ на это, какъ на вызовъ по отношеніи къ жизни, но ему хотѣлось заявить, что я, человѣкъ—имѣю право на все. „Не пугайте,—говоритъ онъ,—меня ни бѣдностью, ни лишеніями. Я боюсь ихъ, но не хочу ихъ бояться. Я знаю, что супружеская жизнь, въ обыкновенныхъ своихъ условіяхъ, грозитъ необезпеченному человѣку многочисленными бѣдствіями. Но, — что-бы тамъ ни было—я хочу испытать это, зная напередъ, что меня ожидаетъ, и допуская, что это „напередъ“ будетъ самое скверное,—я все-же пойду на испытаніе и пусть я погибну; все-же самъ себя скажу въ своей погибели, что я былъ человѣкъ. Что за бѣда, что я погибъ? Мало-ли погибаютъ? Погибаютъ милліоны. И быть можетъ, я долженъ погибнуть. Но „человѣческое“ не отнимается отъ меня. Красивъ я или безобразенъ, уменъ или глупъ, честенъ или подлъ, я, какъ человѣкъ, имѣю право на всю полноту бытія“. И вотъ, въ перепискѣ Бѣлинскаго съ его невѣстой, мы видимъ эту рвущуюся къ свѣту и счастью душу, побѣдившую сознаніемъ своего собственнаго достоинства всѣ препятствія жизни.

Онъ полюбилъ; онъ женился. Что собственно проявилось въ этомъ фактѣ? Отъ полноты самоуничтоженія онъ перешелъ къ полнотѣ самодовѣренности. Читатель можетъ спросить себя, почему все сіе важно. Важно-же это потому, что какъ-бы вы ни смотрѣли на исторію, кромѣ пробужденія личности, кромѣ того, что сознаніе своего собственнаго человѣческаго достоинства, которое на самомъ дѣлѣ имѣетъ право на все—нѣтъ ничего.

Выводъ изъ сказаннаго выше ясенъ. По моему личному мнѣнію, нѣтъ никакой возможности знать Бѣлинскаго, не зная его путемъ этихъ превосходныхъ и искреннихъ признаній взволнованной души,—писемъ. Въ письмахъ, именно, и заключается вся исторія его личной жизни, которая объясняетъ намъ переходъ его отъ одного состоянія къ другому. Въ этихъ письмахъ онъ является передъ нами совершенно свободной человѣческой личностью. А гдѣ вы найдете больше силъ, какъ не въ полномъ довѣріи къ себѣ, какъ не въ возможности открыть свою душу, всю какъ она есть, передъ другимъ и сказать: „я хочу“?

Глава I.

Я начну съ лучшаго, что имѣется у меня подъ рукой—съ характеристики Бѣлинскаго, принадлежащей А. И. Герцену.

«Бѣлинскій, самая дѣятельная, порывистая, діалектическая—страстная натура бойца проповѣдывалъ тогда (1840 г.) индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы. Онъ вѣровалъ въ это воззрѣніе и не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ нравственнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, чего такъ страшатся люди слабые и несамобытные.

— Знаете-ли,—сказалъ я ему однажды,—что съ вашей точки зрѣнія вы можете доказать, что и чудовищный произволъ разуменъ и долженъ существовать.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ «Бородинскую годовщину» Пушкина.

«Этого,—разсказывалъ Герценъ,—я не могъ вынести и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ и кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, договорить, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій раздраженный и недовольный уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ послѣдній яростный залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ «Бородинской Годовщиной».

«Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ отношенія. Бакунинъ хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отстающими».

... «Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его отъѣзда въ Петербургъ,—продолжаетъ Герценъ,—въ 1840 году пріѣхали и мы туда. Я не шелъ къ нему. Огареву моя ссора съ Бѣлинскимъ была очень прискорбна; онъ понималъ что воззрѣнія Бѣлинскаго были переходной болѣзнью, да и я понималъ, но, Огаревъ былъ добрее. Наконецъ онъ натянулъ своими письмами свиданіе. Наша

встрѣча была холодна, сначала непріятна, натянута, но ни Б., ни я мы не были большіе дипломаты; продолженіе ничтожнаго разговора я помянулъ статью о бородинской годовщинѣ. Бѣлинскій вскочилъ съ своего мѣста и, всныхнувъ въ лицѣ, пренаивно сказалъ мнѣ: «Ну, слава Богу, договорились-же, а то я съ моимъ глупымъ правомъ не зналъ, какъ начать... ваша взяла; три-четыре мѣсяца въ Петербургѣ меня лучше убѣдили, чѣмъ всѣ доводы. Забудемте этотъ вздоръ. Довольно вамъ сказать, что на-дняхъ я обѣдалъ у одного знакомаго, тамъ былъ инженерный офицеръ; хозяинъ спросилъ его, хочеть-ли онъ со мной познакомиться?— Это авторъ статьи о бородинской годовщинѣ?—спросилъ его на ухо офицеръ.—Да.— Нѣтъ, покорно благодарю, отвѣчалъ онъ. Я слышалъ все и не могъ вытерпѣть, пожалъ руку офицеру и сказалъ ему: «вы благородный человѣкъ, я васъ уважаю»... Чего же вамъ больше? Съ этой минуты и до кончины Бѣлинскаго мы шли съ нимъ рука объ руку».

... Бѣлинскій, какъ слѣдовало ожидать, опрокинулся со всей язвительностью своей рѣчи, со всей неистощимой энергіей на свое воззрѣніе. Положеніе многихъ изъ его пріятелей было не очень завидное, *plus royalistes que le roi*—они съ мужествомъ несчастія старались отстаивать свои теоріи, не отказываясь впрочемъ отъ почетнаго перемирія.

«Всѣ люди дѣльные и живые перешли на сторону Бѣлинскаго, только формалисты и педанты отделились; одни изъ нихъ дошли до того нѣмецкаго самоубійства наукой, схоластической и мертвой, что потеряли всякій жизненный интересъ и сами потерялись безъ вѣсти.

«Другіе сдѣлались православными славянофилами. Какъ сочетаніе Гоголя съ Стефаномъ Яворскимъ не кажется страннымъ, но оно возможно, чѣмъ думаютъ.

«Бѣлинскій вовсе не оставилъ вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля его философію. Какъ разъ наоборотъ. Откуда-то и начинается его живое, мѣткое оригинальное сочетаніе идей философскихъ съ передовыми. Я считаю Бѣлинскаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ Николаевского періода. Послѣ либерализма, кой какъ пережившаго 1825-ый годъ въ Полевомъ, послѣ мрачной статьи Чаадаева, является выстраданное жалкое отрицаніе и страстное вмѣшательство во всѣ вопросы Бѣлинскаго. Въ рядѣ критическихъ статей, онъ кстати и не кстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто поднимаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впаивался въ какой нибудь вопросъ. Ему достаточно стихъ:

Родные люди вотъ какіе —

въ Онѣгинѣ чтобы вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статей о Тарантасѣ, о Парашѣ Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ, о Гамлетѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость въ плаваніи между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную ари-

стократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не антикритикой—такъ доносомъ.

«Бѣлинскій стегалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ, ограниченныхъ творцевъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжности; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія, *задушевныя* мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтушія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую лентой!

«Какъ-же они за то его и ненавидѣли!

«Славянофилы съ своей стороны начали официально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурмолокъ и зипуновъ.

«Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа *каждаго* мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены-ли Отечественныя записки, тяжелый № рвали изъ рукъ въ руки—«есть Бѣлинскаго статья»? Есть,—и она поглащалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, *уважений* какъ не бывало.

Не даромъ Скобелевъ, комендантъ петропавловской крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ: «Когда-же къ намъ, у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу».

Я въ другой книгѣ говорилъ о развитіи Бѣлинскаго и объ его литературной дѣятельности, здѣсь скажу нѣсколько словъ о немъ самомъ.

Бѣлинскій былъ очень застѣнчивъ и вообще терялся въ незнакомомъ обществѣ или въ очень многочисленномъ; онъ зналъ это, и желая скрыть, дѣлалъ пресмѣшныя вещи. К. уговорилъ его ѣхать къ одной дамѣ; по мѣрѣ приближенія къ ея дому, Бѣлинскій все становился мрачнѣе, спрашивалъ, нельзя-ли ѣхать въ другой день, говорилъ о головной боли. К., зная его, не принималъ никакихъ отговорокъ. Когда они пріѣхали, Бѣлинскій, сходя съ саней, пустился было бѣжать, но К. поймалъ его за шинель и повелъ представлять дамѣ.

Онъ являлся иногда на литературно-дипломатическіе вечера князя Одоевскаго. Тамъ толпились люди, ничего не имѣвшіе общаго, кромѣ нѣкотораго страха и отвращенія другъ отъ друга; тамъ бывали посольскіе чиновники и археологъ Сахаровъ, живописцы и А. Мейендорфъ, статскіе совѣтники изъ образованныхъ, Іоакимъ Бичуринъ изъ Пекина, полу-жандармы и полу-литераторы, совсѣмъ жандармы и вовсе не литераторы. А. К. домолчался тамъ до того, что генералы принимали его за авторитетъ. Хозяйка дома съ внутренней горестью смотрѣла на подлые вкусы своего мужа и уступала имъ, такъ какъ Людовикъ Филиппъ въ началѣ своего царствованія, снисходя къ своимъ избирателямъ, приглашалъ на балы въ Тюльери цѣлые *rez des chaussées* подтяжныхъ мастеровъ, москательныхъ лавочниковъ, башмачниковъ и другихъ почтенныхъ гражданъ.

Бѣлинскій былъ совершенно потерявъ на этихъ вечерахъ, между какимъ-нибудь саксонскимъ посланникомъ, не понимавшимъ ни слова по русски и какимъ-